

Светлов П. Я., прот. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания: (Богословско-апологетическое исследование) // Богословский вестник 1902. Т. 2. № 6. С. 165–201 (2-я пагин.). (Продолжение.)

ИДЕЯ ЦАРСТВА БОЖІЯ

въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія.

(Богословско-апологетическое изслѣдование).

*Остави мртвыя погребсти своя
мртвецы, ты же и шедъ возвѣщай
царствіе Божіе.*

Ев. Лук. гл. IX, ст. 60.

I.

Основаніе (возстановленіе) царства Божія, какъ сущность и цѣль дѣла Христова.

Вселенная, какъ царство Божіе, или христіанское ученіе о цѣли творенія видимаго міра и человѣка.—Распаденіе царства Божія во вселенной съ грѣхопаденіемъ ангеловъ и первыхъ людей.—Царство діавола въ его отношеніи къ царству Божію.—Исторія домостроительства вашего спасенія, какъ исторія постепеннаго возстановленія царства Божія: начало возстановленія царства Божія въ Ветхомъ Завѣтѣ и окончательное возстановленіе царства Божія Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, какъ цѣль Его явленія на землю.—Ученіе Иисуса Христа объ основаніи царства Божія, какъ главной цѣли Его прішествія на землю.—Ученіе Иисуса Христа о Себѣ, какъ о Мессіи—Царь.

Все произошло отъ Бога и все стремится къ Богу, источнику своего бытія, какъ искры стремятся къ небу: къ Немю стремится тварь неразумная и разумная, въ Немъ имѣетъ источникъ своего бытія и начало совершенствованія и тварь неодушевленная. Сознательно и несознательно, свободно и по законамъ необходимости все существующее поставлено въ тѣсную и неразрывную связь съ Божествомъ, единымъ его источникомъ и началомъ: все и всякое бытіе поддержи-

ваются и питаются изъ неиссякаемыхъ источниковъ и бездны единого истиннаго Бытія, сообщающаго Себя твари. Непрерывно и преобильно изливаются на тварь щедроты изъ этой бездны щедротъ и благъ, какъ лучи изъ солнца, а тварь только принимаетъ и усваиваетъ себѣ эти неиссякаемые блага Божественной любви посредствомъ отвѣтной любви къ Богу. Отъ любви Божіей произошла тварь, любовью Бога существуетъ и поддерживается, для любви же къ Богу и создана она: происшедшее отъ любви для любви и создается. Любовь Божія ставитъ при твореніи міра цѣлью благо или счастье разумныхъ тварей; но послѣднія достигаютъ цѣли этой, когда въ благодарной отвѣтной любви къ Творцу, вложенной при твореніи въ ихъ душу, позабываютъ о себѣ, своемъ счастьи, своей цѣли, и цѣлью своего существованія ставятъ себѣ Бога, Его славу, служеніе Ему. Поэтому кратко и точно ученіе о цѣли міра и человѣческой жизни можетъ быть сформулировано такъ: *человѣкъ, какъ и все существующее, созданъ на служеніе Богу—разумное и добровольное.* Невольно и безсознательно подчиняется волѣ Божіей, намѣреніямъ Его, и неразумное, даже мертвое твореніе, слѣдуя Его законамъ (Іов. XXXVII, 10—13 ср. Прем. XVI, 15—29; Псал. 103, 4; 118, 91). Вся вселенная есть царство воли Божіей, Богъ надъ всѣмъ царствуетъ (Іов. XXXIV, 13; Пс. CII, 19—22; 46, 8; 88, 12; 1 Пар. XXIX, 11—12; Ис. XXXVII, 16; Іер. X, 10), но разумныя твари самою своею природою призываются къ *свободному* служенію Богу, участію въ царствѣ Его. *Царство Божіе, осуществляемое въ разумной твари, есть послѣдняя и окончательная цѣль творенія міра,* потому что именно здѣсь, въ царствѣ Божіемъ, осуществляется вполнѣ высшая цѣль міра—слава Божія, отраженіе ея въ твари или наивозможно полное участіе послѣдней въ совершенствѣ, а вмѣстѣ и той полнотѣ блаженства, какія существуютъ въ Богѣ, источникѣ всяческихъ благъ. Съ этой точки зрѣнія всякая личная человѣческая жизнь получаетъ глубокий и великій смыслъ: человѣкъ здѣсь становится членомъ безконечно-великой духовной семьи, Царства Божія, обнимающаго весь разумный міръ, участвуетъ въ благахъ его и работаетъ на пользу его. Наконецъ, понятіе о царствѣ Божіемъ, какъ окончательной цѣли творенія міра, не есть даже богословскій выводъ, а ясное ученіе слова Божія, Самого Господа (Мѡ. XXV, 34).

По мысли Божіей весь міръ есть царство Его воли и среди откровенія Его славы, въ особенности въ разумныхъ тваряхъ, однимъ словомъ—онъ есть Царство Божіе. Но изображеніе міра исключительно какъ царства Божія въ его настоящемъ состояніи было бы невѣрно. Какъ въ мірѣ видимомъ и въ родѣ чело-вѣческомъ, такъ и въ мірѣ невидимомъ или высшей разумной твари съ появленіемъ зла напротивъ царства Божія возникло царство зла съ стремленіями и идеями, противными мысли Божіей. Въ настоящемъ состояніи міръ не есть сплошное царство мысли Божіей и воли Его. Объ этомъ свидѣтельствуется существованіе зла въ немъ. Зло существуетъ прежде всего въ томъ мірѣ, гдѣ живетъ чело-вѣкъ, и въ самомъ чело-вѣкѣ. Но царство зла не ограничивается предѣлами земли и чело-вѣческаго рода: оно поднимается выше надъ землею и захватываетъ въ себя значительнѣйшую часть Царства Божія въ его высшей разумной твари, въ мірѣ ангельскомъ. Собственно, здѣсь первоначально возникаетъ зло и въ царство Божіе вторгается на мѣсто Бога, какъ Царя вселенной, тварь Его со своею волею, своими мыслями; а отсюда зло спускается ниже, распространяется на землѣ въ родѣ чело-вѣческомъ и мало-по-малу въ своей борьбѣ съ добромъ расширяется въ особое царство, царство зла, царство сатаны, вступающее въ борьбу съ царствомъ Божиимъ, хотя и тщетную (Апок. XI, 18; Мѣ. XII, 26; XXV, 41; Еф. VI, 12; Кол. II, 15; Быт. III, 15; Іоан. XII, 31; XIV, 30; XVI, 11 и др.). Царство сатаны стоитъ въ непримиримой враждѣ къ царству Божію; эта только вражда къ царству Божію или добру и соединяетъ злыхъ духовъ въ единодушномъ повиновеніи начальнику зла и дѣлаетъ изъ нихъ тѣсно сплоченное противъ добра царство. Вся дѣятельность этого царства и заключается именно въ этой упорной и ожесточенной борьбѣ съ царствомъ Божиимъ, воплощающимъ всякое въ себѣ добро; задача его—дать торжество злу надъ добромъ, діаволу надъ Богомъ. Подъ руководствомъ сатаны оно стремится къ осуществленію этой задачи разными многочисленными путями и средствами, которыя только во власти неистощимо-изобрѣтательной злобы діавола.

Богъ ограничивалъ и ограничиваетъ дѣятельность и власть діавола въ его борьбѣ съ добромъ различными способами. Послѣ грѣхопаденія людей, по обольщенію діавольскому,

его дальнѣйшая дѣятельность на землѣ и власть надъ людьми ограничиваются уже и въ ветхозавѣтной подзаконной Церкви до пришествія Христова. Но истинныя пораженія и потери царство сатаны несетъ съ пришествіемъ Христа на землю, ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ для того именно и „явился, чтобы разрушить дѣла діавола“ (1 Іоан. 3, 8) и возстановитъ царство Божіе. Вселенная была до грѣхопаденія сплошнымъ царствомъ Божиимъ, гдѣ все разумное соединено было въ одну цѣлую великую семью взаимною любовью другъ къ другу и Богу, послушаніемъ воли Его, и не было раздѣленія между небеснымъ и земнымъ, ангелами и людьми. Соединить разъединенное снова въ одно царство отъ вѣчности предопредѣлено было въ совѣтѣ Божіемъ черезъ Сына Божія „нетлѣннаго Царя вѣковъ“ (1 Тим. I, 17). Богъ положилъ во Христѣ Іисусѣ „возглавить всяческая и соединить въ Немъ все небесное и земное въ устроеніе полноты временъ“ (Еф. I, 10) „посредствомъ Его примирить съ Собою все, умиротворивъ черезъ Него, кровію Креста Его, и земное, и небесное“ (Кол. I, 20, ср. Евр. XII, 23) ¹⁾.

Начало возстановленію царства Божія полагается до пришествія Христова въ Ветхомъ Завѣтѣ. Вся исторія Ветхаго Завѣта есть въ общемъ исторія развитія царства Божія въ его пригиготвительной, первоначальной формѣ. Здѣсь съ библейской точки зрѣнія, лежитъ ключъ къ пониманію всей ветхозавѣтной исторіи во всемъ ея объемѣ, всѣхъ дѣлъ Божественнаго Промысла въ исторіи Израиля, сосредоточивающей на себѣ особенную промыслительную дѣятельность въ подготовленіи царства Божія на землѣ. До времени совершеннаго откровенія царства, по намѣреніямъ Божествен-

¹⁾ Отсюда видно наше право называть дѣло Христово не столько основаніемъ царства Божія вновь, сколько возстановленіемъ царства Божія. Последній терминъ точнѣе перваго, хотя малоупотребительнъ въ богословіи, ибо нигдѣ привычка къ старымъ словамъ (и мыслямъ), хотя бы и неудачнымъ, не даетъ себя знать съ такою силою, какъ въ богословіи, консервативнѣйшей изъ всѣхъ наукъ. Поэтому, дабы не навлечь на себя обвиненія со стороны ревнителей вѣры въ потрясеніи основъ и ереси, я, наученный опытомъ, ставлю необычное въ богословіи слово въ скобки, въ заглавіи, и по возможности избѣгаю употребленія новаго слова.

наго Промысла, царство Божіе пока отождествляется или сливается съ царствомъ Израіля. Среди выдѣленнаго изъ всѣхъ народовъ Своего народа Господь учреждаетъ временное Свое царство—царство теократическое, на юридическихъ основаніяхъ, въ замѣну царства нравственнаго. Правда, Израіль называется и въ Ветхомъ Завѣтѣ „сыномъ Божиимъ“, (Исх. IV, 22; Втор. XIV, 1—2; Іерем. XXXI, 20) и Богъ—Отцемъ людей (Ис. 63, 16; 64, 8), однако въ теократическомъ царствѣ Израіля нельзя еще видѣть полнаго откровенія истиннаго царства Божія: царство Божіе ограничивается въ Ветхомъ Завѣтѣ въ концѣ концовъ тѣсными предѣлами только избраннаго народа Божія, гдѣ Богъ при томъ только отчасти открывается любовью, являясь и для народа Своего воплощеніемъ безпредѣльнаго, непреступнаго величія и грознаго правосудія, Богомъ святости, *огнемъ поядающимъ* (Вт. IV, 24; IX, 3). Только въ Новомъ Завѣтѣ Богъ открывается Отцемъ *всѣхъ* людей, и Богомъ не іудеевъ только, но и язычниковъ (Мф. V, 45; Рм. III, 29). Вообще теократическое царство Израіля или царство Божіе въ Ветхомъ За-
вѣтѣ имѣло внѣшній характеръ государства, основаннаго на юридическомъ договорѣ, а не на любви: то было царство и время закона, а не благодати (Евр. VIII, 7—13; Ев. Іо, I, 17). Здѣсь, въ этомъ теократическомъ царствѣ Израіля, пока еще человѣкъ не доросъ до свободнаго, разумнаго служенія Божеству, царство Божіе поддерживалось силою различныхъ внѣшнихъ средствъ, законовъ и учрежденій ветхозавѣтной религіи; но когда человѣкъ созрѣлъ для высшаго духовнаго служенія Божеству, является Іисусъ Христосъ и основываетъ именно это царство Божіе, царство нравственное.

О цѣли Своего пришествія на землю и вмѣстѣ съ тѣмъ—сущности Своего многообъемлющаго дѣла Господь нашъ Іисусъ Христосъ по различнымъ обстоятельствамъ и не одинъ разъ въ различныхъ выраженіяхъ училъ передъ Своими слушателями. Въ однихъ мѣстахъ Іисусъ Христосъ полагаетъ сущность Своего дѣла въ откровеніи Божественномъ, сообщеніи человѣку истиннаго знанія о Богѣ, просвѣщеніи человѣка. Именно эту мысль выражаетъ Іисусъ Христосъ въ слѣд. словахъ: „Отче, Я открылъ имя Твое человѣкамъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ отъ міра; они были Твои, и Ты далъ ихъ Мнѣ, и они сохранили слово Твое. Нынѣ уразумѣли

они, что все, что Ты далъ Мнѣ, отъ Тебя есть“. (Іо. XVII, 6—7; ср. XIV, 6—7; XII, 46). Въ другихъ случаяхъ сущность Своего дѣла Господь указываетъ въ спасеніи людей отъ грѣха, спасеніи души человѣческой, сообщеніи этой погибшей человѣческой душѣ жизни вѣчной: „...Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасти“. (Лк. IX, 56 ср. Іо. III, 16—17; VI, 38—40; XII, 47 ср. Мѡ. I, 21). Весьма часто главную цѣль Своего пришествія Иисусъ Христосъ указывалъ, какъ извѣстно, въ страданіяхъ и крестной смерти за грѣхи людей, для ихъ искупленія ¹⁾. Цѣль Своего пришествія Господь еще указывалъ въ призваніи людей къ покаянію: „Я пришелъ призвать“, говоритъ Онъ, „не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію“ (Мѡ. IX, 13; Мр. II, 17; Лк. V, 31—32). Наконецъ, какъ на цѣль Своего пришествія, Иисусъ Христосъ указываетъ на основаніе царства Божія, проповѣданіе Евангелія царства Божія: „И другимъ городамъ благовѣствовать Я долженъ царствіе Божіе, ибо на то Я посланъ“. (Лк. IV, 43). По евангелію, проповѣдь о царствѣ Божіемъ составляетъ главное содержаніе благовѣстія и вообще ученія Христа и Его апостоловъ; она выражаетъ кратко сущность Его дѣла (см. Мѡ. IV, 17; Лк. VIII, 1; IX, 11; Мр. I, 14 ср. Лк. IX, 2; X, 9). Итакъ, спрашивается, въ чемъ же нужно видѣть общую цѣль, которая объединяла-бы всѣ вышеназванныя цѣли Христова пришествія? Не въ чемъ иномъ, какъ въ основаніи *царства Божія* или, по терминологіи св. Матѳея, *царства небеснаго*. Все прочее въ отношеніи къ этой цѣли является средствомъ включительно до искупленія (Лк. XIX, 12). Иисусъ Христосъ Самъ называетъ Себя царемъ, напр. на судѣ у Пилата, въ отвѣтъ на вопросъ послѣдняго: „Царь-ли ты, или нѣтъ?“—„Я Царь... царство Мое не отъ міра сего: если-бы отъ міра сего было царство Мое, то служители Мои подвизались-бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ Иудеямъ; но нынѣ царство Мое не отсюда“ (Іоан. XVIII, 36—37). Далѣе Онъ называетъ

¹⁾ См. *Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ. Опытъ изясненія догматическаго искупленія*. Кіевъ 1893, стр. 377—379. Сущность всѣхъ относящихся сюда мѣстъ выражается кратко въ словахъ Спасителя: „Сынъ человѣческій не для того пришелъ, что бы Ему служили, но что-бы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ“ (Мр. X, 45; Мѡ. XX, 28).

Себя царемъ въ притчѣ о страшномъ Судѣ (Мѣ. XXV, 34), царемъ называютъ Его ученики Его (Іо. XII, 15; Мѣ. XXI, 5 ср. Лк. I, 32—33). Вообще Спаситель не отвергалъ вѣры въ Него, какъ въ Мессію, со стороны іудейскаго народа, а отвергалъ только ложныя представленія о Мессіи и Его царствѣ. Торжественнымъ и всенароднымъ царскимъ входомъ въ Іерусалимъ Иисусъ Христосъ далъ свидѣтельство міру о Себѣ, какъ Мессіи, а Крестомъ отвергнувъ іудейское пониманіе Его царства¹⁾. Не силою, а правдою, не мечемъ, а Крестомъ пришелъ Спаситель основать Свое царство. Роковая ошибка іудейскаго народа заключалась въ неправильномъ пониманіи царства Божія, возвѣщеннаго Иисусомъ Христомъ. Эта ошибка въ разныхъ формахъ повторяется даже доселѣ, когда достаточно выяснился характеръ царства Христова въ человѣческой исторіи. Ошибка эта пагубна для всей нашей вѣры, ибо она касается существа христіанства, и въ какой-бы тонкой формѣ она ни возникла, ея въ ничто превращаются всѣ благословенія Евангелія и наша вѣра во Христа-Мессію. Недостаточно именовать Спасителя Царемъ, надо озаботиться правильнымъ разумѣніемъ Его царственнаго достоинства, царства Его; въ противномъ случаѣ какъ мы можемъ быть разумными слугами и исполнителями воли Господа въ царствѣ Его, друзьями Его, разумѣющими всю волю Его (Іоан. XV, 14—16)? Отсюда понятною становится рѣшающая важность отвѣта на вопросъ, какое же понятіе о царствѣ Божіемъ надо считать правильнымъ, или, что то же, какъ же именно училъ о царствѣ Своемъ Господь Иисусъ Христосъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ составитъ содержаніе слѣдующей главы.

¹⁾ Въ англійскомъ богословскомъ журналѣ *The Expositor* 1902, № 1, ст. Rev. G. Milligan. *The Messianic Consciousness of Jesus*, p. 72—73 прекрасно формулируется научное положеніе вопроса о мессіанскомъ самосознаніи Иисуса: „теперь можно считать общепризнаннымъ положеніе, что во всякомъ случаѣ со времени Своего крещенія Иисусъ сознавалъ Себя Мессіею“. Даже Гарнакъ признаетъ несомнѣннымъ, оспариваемое нѣкоторыми, напр. у Табе, положеніе, что Иисусъ выдавалъ Себя за Мессію, и выражается: *dieses Stück der evangelischen Ueberlieferung scheint mir auch die schärfste Prüfung auszuhalten* (Lehrb. d. Dogmengsch. I, 62). Весьма важное признаніе въ устахъ „Моммсена современной богословской науки“, дѣлающее честь его ученому безпристрастію и добросовѣстности

II.

Понятіе о царствѣ Божіемъ.

Иудейскія представленія о царствѣ Божіемъ.—Проповѣдь Іоанна Крестителя о царствѣ Божіемъ.—*Евангельское благовѣстіе о царствѣ Божіемъ въ его общемъ отличіи отъ іудейскаго понятія о немъ и другихъ понятій съ іудейскою закаскою.* Общее отличіе: универсальность царства Божія; условія вступленія въ царство Божіе и составъ его; духовность царства Божія; способъ осуществленія царства Божія или общій характеръ и духъ царствованія Христа; несовмѣстимость съ христіанствомъ принужденія въ религіи, какъ способа осуществленія царства Божія, и евангельское рѣшеніе вопроса о свободѣ совѣсти.—Положительное выясненіе содержанія понятія царства Божія, какъ высшаго (духовнаго) блага, и способа осуществленія его.—Понятіе о сущности царства Божія, какъ выводъ изъ предшествующаго.

Идея о царствѣ Божіемъ не была новою для евреевъ, современныхъ Іисусу Христу, и къ ней-то именно примкнула проповѣдь царства Божія, какъ къ своей исходной точкѣ и основанію. Это была идея, которою жили евреи особенно съ потерей своей политической независимости: все сосредоточено было въ ожиданіи грядущаго Мессіи и Его царства; царство Божіе служило предметомъ подробнаго изображенія пророковъ и псалмовъ и главною, неистощимою темою іудейской и апокрифической литературы (Лк. IX, 11; XXIII, 42, 51; Мр. XV, 43; Дѣян. Ап. I, 6 и др.). Вообще, ничего новаго не было для еврейскаго уха въ этихъ словахъ „царство Божіе“: еврейскій народъ искони привыкъ считать единымъ истиннымъ царемъ своимъ и царемъ всѣхъ народовъ и вселенной Бога, Іегову своего (Исаи XXXIII, 22; Пс. IX, 37; XXI, 29; XLVI, 8 и др.) и жилъ надеждою на возстановленіе теократіи, какъ она изображалась въ пророческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта и въ народныхъ преданіяхъ ¹⁾. Подъ царствомъ Божіимъ во времена Христа подразумевалось въ общемъ нѣчто весьма опредѣленное, именно появленіе вождельнаго Мессіи, предсказаннаго пророками, возстановленіе единаго національнаго іудейскаго царства

¹⁾ Выраженіе „царство Божіе“ встрѣчается, напр., въ Дан. VII, 14, 27, въ такъ назыв. *Псалмахъ Соломона* XVII, 4 и V, 21; въ Пс. XLIV, 7; CXLIV, 11—12. Прем. Солом. X, 10; 2 Мак. II, 17—18; Вар. IV, 36; V, 9; Тов. XIII, 1. 6. 7. 10—11. 15 и др. кн.

изъ всѣхъ разсѣянныхъ по землѣ іудеевъ съ резиденціею Царя въ Іерусалимѣ, включая сюда умершихъ, имѣвшихъ воскреснуть въ день Мессіи, и затѣмъ—безконечная блаженная жизнь въ святой землѣ съ исполненіемъ всѣхъ пророчествъ о мессіанскомъ царствѣ. Не отрицалось въ мессіанскихъ чаяніяхъ и нравственное обновленіе Ізраиля, но представленіе о немъ въ современномъ Христу іудействѣ заслонилося болѣе яркими и заманчивыми образами матеріальныхъ благъ и всяческаго внѣшняго благоденствія „сыновъ царствія“ въ грядущемъ царствѣ Мессіи. Въ эти старыя и столь много говорившія еврейскому воображенію слова—„царство Божіе“, „царство небесное“,—Иисусъ Христосъ вложилъ однако новый и высшій смыслъ, очистивъ представленія іудейскаго богословія и ходячія мнѣнія о царствѣ Божіемъ отъ грубо-чувственныхъ примѣсей, образовавшихся на почвѣ узко-національнаго самолюбія, и раздвинувъ предѣлы понятія о царствѣ Божіемъ ¹⁾. Іудеи полагали, что

¹⁾ Въ евангеліяхъ употребляются оба выраженія — и *царство Божіе*, βασιλεία τοῦ Θεοῦ, и *царство небесное* βασιλεία τῶν οὐρανῶν, извѣстныя еврейскому богословію (*малхутъ Ягве* и *малхутъ гашишмаим*). Выраженіе „царство небесное“ встрѣчается у одного только Матѳея и употребляется предпочтительнѣе „царства Божія“, находимаго лишь въ VI, 33; XII, 28; XIX, 24; XXI, 31, 43. Имя Бога по требованіямъ раввинскаго богословія не рѣдко замѣнялось въ данномъ выраженіи именемъ *неба*, мѣста обитанія Божества, въ соотвѣтствіи, можетъ быть, съ ясно выраженной идеею о неземномъ, сверхъестественномъ происхожденіи царства Мессіи въ прор. Дан. II, 44 и VII, 13 и д. Отсюда и получилось метонимическое *малхутъ гашишмаим*, *царство небесное* (вм. *Божіе*). Такъ примиряются и соединяются въ одно два различныхъ толкованія, изъ которыхъ одно считаетъ оба выраженія совершенно тождественными по смыслу и объясняетъ происхожденіе выраженія „царство небесное“ вліяніемъ вышеуказанной терминологіи іудейскаго богословія; другое же толкованіе слову „*небесное*“ даетъ значеніе качественного опредѣленія понятія о царствѣ Мессіи. По послѣднему толкованію названіемъ царства Мессіи небеснымъ отмѣчается его неземной духовный характеръ, сверхъестественное или Божественное происхожденіе въ противовѣсъ грубо-чувственнымъ мессіанскимъ чаяніямъ современнаго Христу іудейства, и употребленіе выраженія „царство небесное“ исключительно въ Евангеліи отъ Матѳея объясняется назначеніемъ этого Евангелія для іудеевъ (кромѣ Іо. III, 5. Tdf.). Во всякомъ случаѣ, какого бы мы ни держались толкованія, одно несомнѣнно, что оба выраженія относятся къ одному и тому же предмету и не заключаютъ въ себѣ какого-либо различнаго смысла; вотъ по-

въ царствѣ Божіемъ они займутъ первое мѣсто уже по самому своему рожденію и въ силу исполненія закона Моисеева, особенно обрѣзанія; они хотѣли первенства надъ всѣми народами земли, продолжая считать себя избраннымъ народомъ Божіимъ. Словомъ въ своемъ пониманіи царства Божія современное Христу іудейство стояло ниже писаній пророковъ и псалмовъ съ ихъ болѣе духовною и универсальною концепціею царства Божія (См. Ам. IV, 13; V, 8; Млх. IV, 1—3; Ис. гл. XL, XLII, LX и др., ср. Быт. XII, 3; XVIII, 18; XXVIII, 14 и др.; ср. съ апокрифич. 4. Ездр. VI, 58 и д.; VII, 11; *Jubil.* 32, 20, 21; *Еноха* 90, 33 и проч.). Поэтому чѣмъ-то новымъ прозвучали для еврейскаго уха уже и грозныя рѣчи Предтечи о грядущемъ Мессіи и Его царствѣ (Мѣ. III, 2, 7—12; Лк. III, 7—18), сравнительно съ ходячими народными и фарисейскими представленіями: вмѣсто фарисейскихъ жертвъ и милостыни Іоаннъ Креститель требовалъ отъ народа покаянія, возвѣщавъ о грядущемъ судѣ не надъ язычниками только, но и надъ чадами Авраама. Здѣсь однако еще отчасти слышались отзвуки апокалиптики, чего уже совсѣмъ нѣтъ въ Христовомъ благовѣстіи царства Божія: встрѣчающіеся въ послѣднемъ старые образы и обороты рѣчи служатъ лишь рамками для новыхъ идей, понятною для современниковъ формою ихъ выраженія (Мѣ. V, 5; XIX, 28—29; VIII, 11; Лк. XXII, 30; Мр. XIV, 25; Мѣ. XIII, 43 и т. п.).

Ученіе Христово о царствѣ Божіемъ можно разсматривать въ его отношеніи къ ученію іудейскаго богословія и само по себѣ; въ первомъ случаѣ оно характеризуется болѣе отрицательными чертами, поскольку указываются въ немъ отличія отъ іудейскаго ученія; во второмъ случаѣ оно полнѣе выясняется нашему сознанію въ положительныхъ своихъ чертахъ. Мы послѣдуемъ этому методу въ разсмотрѣніи Христова ученія о царствѣ Божіемъ.

Въ ученіи Иисуса Христа царство Божіе прежде всего, съ несомнѣнною ясностью для непредзанятыхъ читателей евангелій, предстаетъ передъ нами чѣмъ-то болѣе величественнымъ и грандіознымъ національною іудейскою теокра-

чему наблюдается безразличное употребленіе обихъ выраженій даже и у евангелиста Матвея.

тіи въ самомъ широкомъ пониманіи послѣдней. Царство Божіе всемірно и универсально, оно объемлетъ весь міръ и такъ же всеобъемлюще, какъ любовь Отца небеснаго, равно простирающаяся—на всѣхъ людей и на всѣ народы земли. Въ царствѣ Божіемъ нѣтъ и не можетъ быть, какъ въ царствѣ безконечной и справедливой любви Божіей, привилегированнаго положенія для одного какого-либо народа; здѣсь нѣтъ различій между эллиномъ и іудеемъ, рабомъ и свободнымъ, между обрѣзаннымъ и необрѣзаннымъ: всѣ равны въ царствѣ Божіемъ, всѣ являются равноправными членами одной великой духовной семьи, соединенными подъ властью Отца Небеснаго чувствомъ общей любви къ Нему и взаимной любви другъ къ другу—силою истины и любви (Мѣ. VIII, 10—12; XXI, 28—32; Лк. XX, 16—24; XIII, 25—30; XIV, 23; XV, 11—32; Іо. X, 16 и др.). Притязанія на исключительное положеніе въ царствѣ Божіемъ или такъ называемый народный *мессіаниззмъ*, наблюдаемый и нынѣ среди христіанскихъ народовъ, не вяжется съ универсализмомъ царства Божія и духомъ правды его; идея объ избранничествѣ народовъ исключается правильнымъ понятіемъ о царствѣ Божіемъ и питается іудейскимъ настроеніемъ національной исключительности и гордости, переносимыхъ въ сферу религіозную. Земныя понятія старшинства и первенства неприменимы въ царствѣ Божіемъ и мы не должны забывать притчъ евангельскихъ, которыми Господь смирялъ національную гордость и религіозный націонализмъ своихъ соотечественниковъ (притча о равной наградѣ, о блудномъ сынѣ и др.); ни этихъ притчъ, ни урока, даннаго исторією избраннаго народа Божія, не должны забывать христіанскіе народы, желающіе жить и развиваться подъ благословенною сѣнью Евангелія въ царство Божіе. Смирненіемъ, миромъ и любовью, а не чувствомъ національной гордости, особенно въ области религіозной, украшаются христіанскіе народы; они сильны памятованіемъ о Богѣ, Отцѣ всѣхъ, и о царствѣ Его—томъ царствѣ, гдѣ считающіе себя первыми всегда бывають послѣдними. И горе тѣмъ народамъ, которые возмнятъ себя первыми въ царствѣ Божіемъ, предвосхищая судъ у Бога! Печальный конецъ ихъ у всѣхъ передъ глазами въ исторіи и современномъ состояніи нѣкогда избраннаго народа Божія, ложно истолковавшаго свое при-

звание въ узко-національномъ смыслѣ,—въ смыслѣ особеннаго предпочтенія Божественнаго этого народа всѣмъ другимъ народамъ. Не Израиль, а все человѣчество въ цѣломъ служило предметомъ и конечною цѣлью Божественнаго Промышленія, Израиль же былъ лишь орудіемъ высшихъ плановъ Божественнаго Провидѣнія, обнявшихъ весь міръ и человѣческій родъ. Національное самообольщеніе Израіля однако понятно: въ его историческомъ прошломъ такъ много великаго (Евр. I, 1—2; Рм. III, 1—2; X, 4—4) и его заслуги и подвиги въ религіозной исторіи человѣчества такъ несомнѣнны, что самообольщеніе было возможно. Но вотъ нынѣ народы, едва выступившіе на историческое поприще, безъ заслугъ Израіля въ исторіи религіи и царства Божія на землѣ, совсѣмъ еще юные и не утвердившіеся сами въ царствѣ Божіемъ, присвоиваютъ себѣ первыя мѣста въ царствѣ Божіемъ! Народы, сами небогатые боговѣдѣніемъ и свѣтомъ христіанскимъ, сами хромающіе на оба колѣна, мнятъ быть свѣтомъ слѣпыхъ, опорой хромыхъ! Сознаніе высокой миссіи носителя свѣта и правды христіанской въ исторіи есть явленіе обычное въ христіанскихъ народахъ, отмѣченное особымъ наименованіемъ. Оно называется мессіанизмомъ. Мессіаниззмъ однако есть явленіе нехристіанское и во всякомъ случаѣ сомнительное съ точки зрѣнія евангельской идеи царства Божія. Въ царствѣ Божіемъ нѣтъ мѣста мессіанизму, нѣтъ первыхъ и послѣднихъ, а есть только имѣющіе и неимѣющіе, болѣе и менѣе одаренные, есть болѣе способные и менѣе способные и пригодные въ созидательной работѣ на пользу царства Божія. Но *„кому дано много, съ того много и потребуется; и кому много вверено, съ того больше и взыщутъ“* (Лк. XII, 48).

Что бы высказанная такъ мысль не показалась кому парадоксомъ, войдемъ въ болѣе подробное ея обсужденіе и обоснованіе.

Не слагается-ли исторія всякаго народа, какъ каждой отдѣльной личности, болѣе изъ ряда беззаконій и преступленій, чѣмъ добрыхъ дѣлъ,—съ одной стороны, и изъ ряда незаслуженныхъ даровъ милости Божіей—съ другой стороны, какъ бы великимъ ни считался кто-либо въ мірѣ семъ? „Не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ еси намъ, Господи, ниже по грѣхамъ нашимъ воздалъ еси намъ“—

вотъ какое настроеніе болѣе прилично и народамъ, и лицамъ, призываемымъ не по заслугамъ, а по изволенію милости Божіей въ царство Его! Покаяніемъ и смиреніемъ отверзаются намъ двери царства Божія, а не самодовольствомъ и гордостью (Мр. I, 15; Мѡ. XVIII, 3; XXI, 31—32; XIX, 14; Мр. X, 13—16; Лк. XVIII, 15—17 и др.). Вотъ почему немудрое міра и немощное міра опередило въ царствѣ Божіемъ и посрамило мудрыхъ и сильныхъ, и незнатное и уничиженное и ничего незначачее въ мірѣ стало впереди знатныхъ и значащихъ въ царствѣ Божіемъ, и блудники и мытари, и грѣшники вошли прежде мнившихъ себя праведными въ царство Божіе (1 Кор. I, 26—31 и др.). Вотъ почему царство Божіе стало достояніемъ нищихъ духомъ, смиренныхъ и кроткихъ, плачущихъ, труждающихся и обремененныхъ, — царствомъ *бѣдныхъ*, а не богатыхъ, мнящихъ себя богатыми всѣмъ въ самообольщеніи своемъ, „надѣющихся на богатство“, или умъ, или силу свою (см. Лк. VI, 23—26; Мѡ. V, 3 и д.; Мр. X, 24).

Такъ первые въ мірѣ стали послѣдними въ царствѣ Божіемъ, а послѣдніе—первыми!

Наибольшую жатву, какъ видимъ, царство Божіе беретъ себѣ въ средѣ плачущихъ и обремененныхъ въ мірѣ семъ. Сыны царствія Божія, изображаемые въ евангельскихъ „заповѣдяхъ блаженства“, это—все люди, глубоко неудовлетворенные и недовольные собою и жизнью. Непонятные вседовольнымъ сынамъ вѣка сего, живущимъ въ стѣхн его, какъ рыба—въ водѣ, эти странные и какъ бы чужіе міру люди считаются въ мірѣ лишнимъ и безпокойнымъ элементомъ жизни. Они именуется пессимистами,— самое презрительное названіе въ устахъ самодовольныхъ сыновъ вѣка сего съ ихъ маленькими и мелкими требованіями отъ жизни! Но если это пессимисты, то—особаго рода. Здѣсь недовольство жизнью питается глубокими нравственными требованіями, неудовлетворяемыми послѣднею, тоскою по Богѣ, по высшей и лучшей дѣйствительности, жаждою правды и смысла въ жизни. Такіе люди неудобны міру и противны тѣмъ, которые со своими микроскопическими запросами и желаніями не выходятъ за предѣлы наличной дѣйствительности. Но „блаженны плачущіе, алчущіе и жаждущіе правды“, ибо они призваны къ истиннымъ утѣхамъ и къ полному насыщенію

человѣческихъ потребностей въ царствѣ Божіемъ, — они одни, а не смѣющиеся и сытые міра сего, напрасно воображающіе себя счастливыми и сытыми безъ Бога и правды Его! Такой—этический — пессимизмъ, если это только пессимизмъ въ обычномъ смыслѣ слова, есть необходимое условіе призванія въ царство Божіе и двигательное начало въ созидательной работѣ отдѣльныхъ лицъ и народовъ въ пользу царства Божія на землѣ; царство Божіе образуется и двигается именно такимъ „пессимизмомъ“, а самодовольство несетъ съ собою духовную гибель лицъ и народовъ, потерю ихъ для царства Божія.

Есть еще одна черта въ этомъ пессимизмѣ, безъ разсмотрѣнія которой наше представленіе о немъ было-бы невѣрно. Не всѣ недовольные, не всѣ плачущіе и жаждающіе войдутъ въ царствіе Божіе. Истинные пессимисты, подавленные зломъ жизни и невѣрующіе въ Добро, не найдутъ себѣ мѣста въ царствѣ Божіемъ; они отрицаютъ царство Божіе своимъ невѣріемъ въ добро, отрицаніемъ добра, ибо царство Божіе есть царство Добра. Мрачные и озлобленные герои М. Горькаго и многіе имъ подобные у насъ, начинающіе исканіемъ Бога и правды и оканчивающіе полнымъ религіознымъ и этическимъ нигилизмомъ, не могутъ быть наслѣдниками царства Божія. Далекі отъ царства Божія „хмурые“ люди А. Чехова, утопающіе въ мертвящей тоскѣ и пустотѣ безпросвѣтной скуки... „Праведники“ Лѣскова, герои Достоевскаго и имъ подобные многочисленные искатели и подвижники правды въ русской землѣ, „люди Божіи“, вотъ это — люди царства Божія: они отрицаютъ эту жизнь и дѣйствительность во имя иной, лучшей дѣйствительности, открытой имъ Евангеліемъ, а не ради самого отрицанія, во имя пустоты душевной; пессимизмъ ихъ весь проникнутъ идеализмомъ и вѣрою въ побѣду добра надъ зломъ. Это не пессимисты, такимъ образомъ, а идеалисты съ огромными запросами отъ жизни, ибо велика и сильна вѣра ихъ въ добро; люди подвиговъ и неустаннаго стремленія впередъ и впередъ, ибо велики ихъ цѣли и идеаль (Мѣ. V, 48; VI, 33; Лк. XVII, 10). Таковыя люди „благонадежныя“ и вѣрные работники въ царствѣ Божіемъ.

„Никто“, сказалъ Господь, „возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ въ царствѣи

Божіемъ“ (Лк. IX, 62). Велика нива работниковъ въ царствѣ Божіемъ, проводящихъ свою борозду на отведенной здѣсь каждому полосѣ, нельзя и некогда оглядываться назадъ: только-что начавшійся трудовой день склоняется къ вечеру, а впереди нива уходитъ безъ конца въ даль и пропадаетъ изъ глазъ за горизонтомъ. Не одно тысячелѣтіе миллионы людей и многіе народы, смѣняя другъ друга, съ утра выходятъ „на дѣло свое и на работу свою до вечера“ (Пс. 103, 23), — и все еще нѣтъ конца работѣ этой, и донинѣ царство Божіе разстилается передъ нашими взорами безконечною нивою, кое-гдѣ засѣянною и не вездѣ вспаханною... И отсюда вытекаетъ слѣдующій выводъ. Если, какъ видѣли, унылые пессимисты не принадлежатъ къ сынамъ царства Божія, то и вседозволенные люди, оптимисты, должны раздѣлить одну участь съ ними. Это тѣ люди, которые за плугомъ не только *озираются назадъ*, но и стоятъ на одномъ мѣстѣ, и это стояніе на одномъ мѣстѣ съ гордостью возводятъ въ начало жизни своей, въ какой-то культъ. Но культъ неподвижности и застоя не имѣетъ мѣста въ царствѣ Божіемъ. Намъ заповѣдано идти, не останавливаясь, вперёдъ, а не стоять на одномъ мѣстѣ, — идти и во всѣхъ сферахъ жизни приносить *плодъ много*. „Я васъ избралъ“, говоритъ намъ Господь въ лицѣ Своихъ учениковъ, „что бы вы шли и приносили плодъ“ (Іо. XV, 16. 5. 8). Чтобы удовлетворить этому требованію, мы должны одушевляться не однимъ *сознаніемъ зла*, но и *сильною вѣрою въ добро*, вѣрою въ Евангеліе или радостную вѣсть о побѣдѣ добра надъ зломъ, данной намъ во Христѣ (Іо. XVI, 33; 1 Іо. V, 4). Только Евангеліемъ дается міру вѣра въ добро и съ нею трудоспособность въ дѣлѣ строенія царства Божія на землѣ: внѣ Евангелія и вѣра въ добро, и самое добро создаются не на твердомъ фундаментѣ, а на пескѣ.

И такъ, для дѣйствительнаго обладанія царствомъ Божіимъ и плодотворнаго пребыванія въ нѣдрахъ его необходимо удовлетворять евангельскому призыву: *покайтесь и въруайте во Евангеліе* (Мр. I, 15; ср. Дѣян. Ап. II, 38). Проникнитесь глубокимъ сознаніемъ зла, непримиримою ненавистью ко злу и вооружитесь вѣрою въ Евангеліе, любовью къ добру, открывающемуся намъ во Христѣ! Возненавидьте міръ и князя міра сего и возлюбите Евангеліе и Христа, бросьте

вѣру свою въ этотъ міръ и отдайте вѣру свою и сердце свое Христу и Евангелію—и вы сдѣлаетесь сынами царства Божія! Таковъ евангельскій призывъ, обращенный ко всему міру.

Царство Божіе, возвѣщенное Евангеліемъ, универсально: всѣ призываются въ него. Но не всѣ, а немногіе только откликаются на евангельскій призывъ (Лк. XIV, 18; Мѡ. XXII, 3).

Много званныхъ, но мало избранныхъ и достойныхъ въ царствѣ Божіемъ (Мѡ. XX, 16; Лк. XIV, 24; Мѡ. XXII, 8, 14)!

Таково царство Божіе, возвѣщенное Христомъ, въ его отличіи отъ царства Божія въ іудейскомъ пониманіи, не исчезнувшемъ и доннѣ. Различіе это создается одною изъ существенныхъ чертъ, характеризующихъ царство Божіе съ главныхъ его сторонъ, именно—*универсальностью*. Переходимъ къ разсмотрѣнію другой, столь же существенной, отличительной черты царства Божія въ евангельскомъ пониманіи сравнительно съ іудейскимъ,—тѣмъ болѣе, что съ этою чертою находится въ органической связи только что разсмотрѣнная.

Царство Божіе въ ученіи І. Христа отличается отъ фарисейско-іудейскаго объемомъ и составомъ своихъ членовъ или условіями вступленія въ него, какъ мы видѣли; но эти отличія въ свою очередь обусловливаются отличіями, вытекающими изъ одной общей отличительной черты царства Божія, опредѣляющей его внутреннюю природу. Таковою чертою, опредѣляющею природу царства Божія евангельскаго въ отличіе отъ царства Божія іудейскаго, является несомнѣнно его *духовность*. Царство Божіе духовно въ отличіе отъ царства Божія іудейскаго: оно отличается отъ послѣдняго и своею цѣлью, и способомъ осуществленія цѣли или самымъ устройствомъ своимъ. И блага, служащая цѣлью царства Божія, и средства ихъ достиженія здѣсь иныя.

Теократическое царство Израиля носило характеръ земного государства. По іудейскимъ понятіямъ Мессія долженъ былъ только усилить его, расширить его предѣлы до размѣровъ всемірнаго царства, съ первенствомъ іудейскаго народа надъ всѣми народами, вслѣдствіе чего прежде всего на первомъ планѣ ставилось освобожденіе народа отъ римскаго владычества. Ученіе Христово о царствѣ Божіемъ стало

въ явную противоположность съ политическими мессіанскими чаяніями іудейства. Вопросъ о земной власти былъ признанъ безразличнымъ для царства Божія или, по крайней мѣрѣ, неимѣющимъ къ нему прямого отношенія (Мр. XII, 14—17). Отъ одного только ига пришелъ Спаситель освободить людей, отъ ига грѣха съ его слѣдствіями, отъ власти діавола, „князя міра сего“, только побѣдою надъ царствомъ зла и надъ главою его, діаволомъ, открывался путь царству Божію (Мѣ. XII, 22—29; Лк. X, 17—19; Іѳ. XII, 31; Мѣ. VI, 13; IV, 1—11; Мр. I, 12—13; Лк. IV, 1—13 и др.). Другими словами, не политическая, а духовная свобода, свобода отъ власти грѣха и тьмы, была теперь объявлена главнымъ и существеннымъ въ царствѣ Мессіи, сообразно съ новымъ общимъ характеромъ его. Въ іудейскомъ ходячемъ воззрѣніи на царство Божіе *національно-эсхатологическая* сторона выдвигалась въ ущербъ *индивидуально-этической*. Послѣдняя теперь находитъ полное признаніе себѣ въ евангельской проповѣди царства Божія. Въ отличіе отъ чисто земного царства іудейской апокалиптики проповѣдуемое Евангелиемъ царство Мессіи есть *царство духовное*, нравственное, „*царство не отъ міра сего*“, царство истины и добра (Іоан. XVIII, 36—38). Это—царствованіе Бога *внутри людей*, въ сердцахъ ихъ. „Бывъ спрошенъ фарисеями, когда прійдетъ царствіе Божіе, Іисусъ отвѣчалъ имъ: не прійдетъ царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ (*μετὰ παρατηρήσεως*); и не скажутъ: вотъ, оно здѣсь, или: вотъ, тамъ. Ибо вотъ, *царствіе Божіе внутри насъ* (*ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ ἐντὸς ὑμῶν ἐστί*, *regnum Dei intra vos est*—Лук. XVII, 20—21), или, какъ объясняетъ ап. Павелъ, „царство Божіе не пища и питіе, но праведность и миръ и радость во Святомъ Духѣ. Кто симъ служитъ Христу, тотъ угоденъ Богу“ (Рмл. XIV, 17—18, ср. Кол. I, 12—13; 1 Тес. V, 5) ¹⁾.

1) Выраженіе „*внутри насъ*“ (*ἐντὸς ὑμῶν*) въ экзегетикѣ получило двоякое толкованіе: 1) *въ душахъ, въ сердцахъ вашихъ*, in animis vestris и 2) *среди васъ, между вами*, intra vos. Перваго толкованія съ отверженіемъ втораго держатся защитники *этической* концепціи царства Божія, въ которой царство Божіе представляется *настоящимъ*, втораго — представители *эсхатологической* концепціи, въ которой царство Божіе мыслится *будущимъ*. Однако, оба толкованія соединимы, ибо *ἐντὸς* употребляется въ обоихъ значеніяхъ въ Библии (Wilkie. Clavis. N. T. 152). Въ такомъ

Такимъ образомъ, благо, составляющее цѣль царства Божія, есть именно *духовное*, а не внѣшнее благо, занявшее такое выдающееся мѣсто въ мессіанскихъ чаяніяхъ іудейства временъ Христа. Оно — „*сокровище* неоскудѣвающее на небесахъ“, собираемое не на землѣ, а „на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляетъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ“ (Мѡ. VI, 19—20; Лк. XII, 33; вообще Мѡ. VI, 19—21, 24—33; Лк. XII, 22—31, 33—34); сокровище царства Божія заключается не въ увеличеніи нами матеріальныхъ земныхъ благъ, а въ обогащеніи души нашей Божественными совершенствами, что и значить „богатѣть въ Бога“ (Лк. XII, 16—21). Отсюда видно, что хотя наше Благо на небѣ, ибо заключено въ Богѣ, однако собирать его слѣдуетъ живя на землѣ. Это необходимо отмѣтить въ виду псевдо-аскетическаго толкованія ученія евангельскаго о царствѣ Божіемъ, которымъ утверждается чуждый Евангелію смыслъ отрицанія міра, всего земного, и царству Божію отводится мѣсто лишь на небѣ и въ будущей жизни, а не на землѣ и въ настоящемъ времени. Изъ крайности грубо-чувственнаго пониманія царства Божія въ іудействѣ и хиліазмѣ мы здѣсь переходимъ въ другую крайность ложнаго спиритуализма, чуждую ученію Христа. Господь пришелъ не отвергнуть, а спасти міръ. Онъ не отрицаетъ міра, какъ твореніе Божіе, средѹ откровенія славы Божіей и царства Божія; міръ отри-

случаѣ во второмъ толкованіи подъ царствомъ Божіимъ *въ средѣ или среди фарисеевъ* явившемся подразумѣвается Самъ І. Христосъ, Основатель и Представитель царства Божія, воплотившій его въ Лицѣ Своемъ. Въ этомъ смыслѣ царствомъ Божіимъ называется самъ Христосъ у нѣкоторыхъ отцевъ церкви, напр. у *св. Кипріяна*: *Nostrum regnum petimus advenire a Deo nobis repromissum Christi sanguine et passione quaesitum... Potest vero, fratres dilectissimi, et ipse Christus esse regnum Dei, quem venire quotidie cupimus, cujus adventus ut cito nobis repraesentetur optamus.* (*De dominica oratione* 13, ср. *Іоанна Златоуста* въ толк. на Мѡ. 3, 2: τὸ δὲ ἡνεγκεν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν“ *περὶ τῆς παρουσίας αὐτοῦ καὶ τῆς ἐσχάτης φησίης*). Защитниками исключительно второго толкованія ставятся слѣдующее возраженіе противъ перваго, этического, толкованія. Рѣчь Христа имѣла въ виду фарисеевъ, но въ сердцахъ ихъ не могло быть царство Божіе по словамъ Самого же Господа (Мѡ. XXIII, 13). На это возраженіе отвѣчаютъ: „*вы* здѣсь должно принимать въ смыслѣ отвлеченномъ,—подобно тому, какъ мы сказали бы пессимистамъ, отрицающимъ жизнь за зло и страданія въ ней, — „счастье внутри васъ, т. е. условія его“ (*Réville* II, 117).

цается лишь въ его противоположности Богу и царству Его; въ той мѣрѣ, въ какой онъ является ареною грѣха и власти діавола въ отчужденіи и обособленіи отъ Бога, когда замыкается въ себѣ съ забвеніемъ о Богѣ и въ себѣ самомъ видитъ цѣль свою. Отрицается не твореніе и не блага земныя, а злоупотребленіе ими, неправильное отношеніе къ земнымъ благамъ, и всему указывается свое мѣсто. Духовное выше матеріальнаго, небесное — земного, и потому въ царствѣ Божіемъ матеріальныя блага ставятся въ подчиненное отношеніе къ духовнымъ въ противоположность іудейской и мірской оцѣнкѣ вещей. *Душа больше пища и тѣло одежды* (Лк. XII, 23 ср. Іо. VI, 27; Лк. IV, 4),— вотъ начало, которымъ предпочтеніе заботъ тѣлесныхъ заботамъ о душѣ безусловно отрицается! На матеріальныя блага мы должны смотрѣть поэтому какъ на нѣчто второстепенное въ царствѣ Божіемъ; прежде и главнымъ образомъ наша забота должна быть направлена на удовлетвореніе потребностей духовныхъ, ибо въ этомъ—жизнь человѣка и *жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія* и другихъ благъ земныхъ (Лк. XII, 15). Отсюда безуміемъ было-бы въ земныхъ только благахъ и въ мірѣ семъ помѣщать свое сокровище и имъ отдавать сердце свое. Отсюда—законъ евангельскій, требующій, чтобы мы жертвовали низшими, хотя-бы и законными, потребностями въ пользу высшихъ: *если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его: лучше тебѣ съ однимъ глазомъ войти въ царствіе Божіе, нежели съ двумя глазами быть ввержену въ геенку огненную* (Мр. IX, 43—48; Мѡ. V, 29—30). Пища, одежда и жилище необходимы для жизни нашей (Мѡ. V, 11. 32; Лк. XII, 30) и *Отецъ небесный знаетъ, что мы имѣемъ нужду въ этомъ*. Нужны для жизни нашей свѣтъ, вода, воздухъ, земля — и знаетъ Отецъ нашъ, что всѣ люди одинаково имѣютъ нужду во всемъ этомъ, — знаетъ и то, что не всѣ люди въ одинаковой мѣрѣ пользуются и этими благами жизни,—даже такими, какъ воздухъ и свѣтъ, а иные, погребенные въ подвалахъ, углахъ, чердакахъ, подземельяхъ, фабрикахъ, почти лишены воздуха и свѣта... Съ осложненіемъ и развитіемъ жизни многое и другое стало нужно намъ (дороги, телеграфы, телефоны, книги, картины, медицина, машины и проч.)—все то, что является плодомъ завоеваній человѣческаго ума въ его господствѣ надъ природой.

Отецъ нашъ небесный, сотворившій міръ для познанія чело-
вѣка и его обладанія и поставившій челоуѣка царемъ при-
роды, знаетъ, что *мы* имѣемъ нужду и въ этомъ (Лк.
XII, 30). Но тутъ дѣлается Евангелиемъ важное ограниченіе.
Ничему изъ всего этого не должны мы отдавать всего сво-
его сердца, ибо сердце наше должно быть отдано высшему
благу—царству Божію и служенію правды Его (Мѡ. VI, 33 и
Лк. XII, 31). Ничто изъ этого не должно быть нашимъ ку-
миромъ, ибо Господу должны мы поклоняться и Ему еди-
ному служить (Мѡ. IV, 4; Лк. IV, 8). Всѣмъ будемъ владѣть,
но ничто нами не должно обладать! Все — наше, но мы —
Божьи! Нужна цивилизація... Но если правда, что цивили-
зація ведетъ челоуѣчество къ духовному одичанію и измелъ-
чанію, то... не предпочесть-ли намъ снова сдѣлаться перво-
бытными лѣсными дикарями изъ цивилизованныхъ дика-
рей, все знающихъ и все дѣлающихъ, кромѣ „единого на
потребу“,—того, безъ чего невозможна челоуѣческая жизнь ¹⁾?
Вопреки возрѣнію экономического матеріализма на первен-
ствующее мѣсто въ жизни челоуѣческой земныхъ благъ и
ученію о зависимости отъ нихъ благъ духовныхъ, въ еван-
геліи устанавливается обратное отношеніе между духовнымъ
и матеріальнымъ: матеріальное ставится въ зависимость отъ
духовнаго, когда матеріальныя блага объявляются дополне-
ніемъ и чѣмъ-то прикладнымъ къ духовнымъ благамъ. Ма-
теріальныя блага приходятъ къ намъ вмѣстѣ съ духовными—
тамъ, гдѣ ищутъ царствія Божія и правды Его. Вотъ и еще

¹⁾ Мы не можемъ раздѣлить господствующаго нынѣ пессимистическаго
взгляда на цивилизацію, противъ которой теперь выступаютъ не одни
чуждые цивилизаціи, вѣчные враги ея, враги разума и прогресса, но и
просвѣщенные сыны цивилизаціи во имя морали (Шопенгауэръ, Ж.
Ж. Руссо, Ницше, Л. Толстой, Леопарди, М. Нордау, Гаултманъ, Ибсенъ,
М. Горькій и др.). Сама по себѣ цивилизація ни въ чемъ не виновата.
Цивилизація безъ Христа „росточаетъ“ ввѣренныя челоуѣчеству таланты
на созиданіе царства Божія; цивилизація безъ Христа отнимаетъ насъ
у Бога и царства Его. Цивилизація со Христомъ „собираетъ“ (Мѡ. XII, 30;
Лк. XI, 23) для царства Божія и является великою служебною силою въ
дѣлѣ насажденія и строенія царства Божія на землѣ. Поскольку цивили-
зація въ себѣ, „а не въ Бога“ богатѣетъ (Лк. XII, 21), постольку она
бѣднѣетъ и оскудѣваетъ истинно—необходимымъ и цѣннымъ для жизни
челоуѣческой, обкрадываетъ саму себя.

основаніе перестановки цѣнностей, совершенной въ евангельскомъ благовѣстіи о царствѣ Божіемъ.

Итакъ, не съ суровымъ отрицаніемъ міра, отверженіемъ творенія Божія, и не съ проповѣдью поклоненія міру и мамонѣ, явился къ намъ Христось, а съ благовѣстіемъ царства Божія, гдѣ всему отведено свое мѣсто, небу—одно, а землѣ—другое, гдѣ Богъ съ Его волею и правдою есть первое и послѣднее, все во всемъ, начало, цѣль и конецъ всего.

Таково царство Божіе въ ученіи Іисуса Христа. разсматриваемое въ его противоположности царству іудейскихъ мессіанскихъ чаяній со стороны его послѣдней и высшей цѣли, — утвержденія воли и правды Божіей въ мірѣ.

Не отъ міра сего царство Христово по своимъ стремленіямъ или цѣли, таково же оно и по способу осуществленія своей цѣли.

Всемогущій Богъ могъ-бы и изъ камней сдѣлать Себѣ дѣтей Авраамовыхъ (Лк. III, 8), но во Христѣ Онъ принялъ неизреченное намѣреніе царство Свое основать и утвердить не силою, а правдою.

Царство Божіе во Христѣ утверждается одною только силою: силою истины и любви.

Царство Божіе во Христѣ утверждается Крестомъ.

Не въ блескѣ и славѣ неприступнаго небеснаго величія явился къ намъ на грѣшную землю Сынъ Божій для основанія царства Божія на землѣ, а въ смиренномъ образѣ Іисуса изъ Назарета Галилейскаго благоволилъ открыть міру Бога, Творца и Царя его, возвратитъ насъ Богу—Царю любовью къ Нему въ Лицѣ Своемъ. Нашъ Царь и Царь царицъ родился на открытомъ полѣ, среди самой убогой обстановки пастушеской пещеры, куда загонялся скоть въ холодныя тропическія ночи. Тамъ ясли для корма скота приняли невѣстимаго Бога, Вседержителя міра. Міръ не праздновалъ рожденія Іисуса: только бѣдные виллемскіе пастухи принесли скромное привѣтствіе Ему. Безвѣстнымъ Іисусъ оставался міру и далѣе въ теченіи тридцати лѣтъ, когда въ уединеніи и тиши скромной обстановки Своей простой семьи, въ укромномъ уголкѣ Палестины, въ презрѣнномъ Назаретѣ, среди презрѣннаго Галилейскаго племени преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ (Лк. II, 52) и созрѣвалъ въ Мессію—Искупителя міра. Не въ блескѣ и ослѣпительномъ цар-

скомъ великолѣпіи, не во всеоружіи внѣшней силы и грознаго величія вышелъ Христосъ изъ Своего тридцатилѣтняго уединенія и открылся міру, а простымъ, смиреннымъ человѣкомъ, среди другихъ, сошелъ къ Іордану принять крещеніе отъ Іоанна, который въ скромномъ человѣческомъ видѣ Іисуса изъ Назарета прозрѣлъ Искупителя-Мессію, предреченнаго пророкомъ Исаіею „мужа скорбей“, „раба Іеговы“, „Агнца Божія“,—Мессію страждущаго, ведомаго, какъ агнецъ, на закланіе для спасенія міра. Среди людей Іисусъ Христосъ дѣйствительно былъ какъ агнецъ среди волковъ (Мѡ. X, 16). Онъ ничего не могъ противопоставить насилію людей, кромѣ самой истины; у Него не было ничего того, чѣмъ обыкновенно защищаются люди другъ отъ друга и чѣмъ они привлекаютъ къ себѣ другихъ. Христосъ не захотѣлъ привлекать на Свою сторону людей ни властью, ни богатствомъ, ни силою; Онъ возымѣлъ намѣреніе привлечь насъ къ Себѣ не силою, а правдою, любовью, что бы черезъ любовь къ Нему возвратить насъ снова Богу. Для этого Онъ скрылъ сокровища Божественнаго естества Своего въ немощи нашей природы, въ дивной простотѣ Своего слова, сильнаго истиною, въ смиренномъ образѣ Іисуса. И Христосъ встрѣченъ былъ почти всеобщою ненавистью и непониманіемъ: Онъ возвѣщалъ истину, а потому Его возненавидѣли (Іоан. VIII, 40, 44—47); истина, возвѣщавшаяся Имъ, была такъ проста, что ея не поняли (Іоан. XVI, 18; XIV, 5-й др.).

I. Христосъ избралъ путь, прямо ведущій къ Голгоѣ на нашей грѣшной землѣ. Онъ и царство Его были не отъ міра сего, потому міръ возненавидѣлъ Его (Іоан. XV, 19; Лк. VI, 26).

Мірѣ любитъ свое, а Онъ не то далъ міру, чего послѣдній ждалъ отъ Него. Міръ живетъ призраками добра, за недостаткомъ добра смѣшиваетъ съ самымъ добромъ внѣшнія его выраженія, его знаки, вмѣсто самаго добра довольствуется его символами, знаками; мы знаніе замѣняемъ словами, чувство—реторикою, любовь къ ближнему—этикетомъ и т. д. безъ конца. Мы подмѣнили добро его внѣшними знаками и замѣнили призраками. Но Христосъ явилъ въ Себѣ и въ ученіи Своемъ истинное добро и восхотѣлъ устранить изъ міра призраки истинною дѣйствительностью, какою Онъ явился Самъ.

Мірѣ любитъ свое. Міръ любитъ силу или насиліе во всѣхъ

его видахъ. Истинная сила принадлежитъ только правдѣ, только добруму, истинному. Добро сильно своею собственною силою, и тамъ, гдѣ оно замѣняется призракомъ добра, не имѣющаго дѣйствительной силы, тамъ сила превращается въ насиліе, внутреннее замѣняется внѣшнимъ. Скромная истина, не нуждающаяся ни въ какомъ оболъщеніи, дѣйствительное добро, не прибѣгающее ни къ какимъ внѣшнимъ средствамъ для своего распространенія, вызываютъ одно недоувѣріе, невниманіе, презрѣніе въ мірѣ. Міръ, живущій призраками, знаки вещей ставитъ выше самыхъ вещей. Онъ поклоняется лишь мудрости, облеченной въ громкое имя, являющейся въ блескѣ философіи, въ шумѣ краснорѣчія, въ вооруженіи внѣшней учености, въ *премудрости слова* и въ убѣдительныхъ *словахъ человеческой мудрости* (1 Кор. II, 1, 4). Міръ покоряется не истиною и добромъ, не правдою, а силѣ, которая дѣйствуетъ на его внѣшнія чувства въ грубой очевидности фактовъ; онъ хочетъ Бога, покаряющаго Себѣ міръ только непреоборимымъ могуществомъ надъ его внѣшними чувствами, т. е. чудесами. Истина безъ внѣшнихъ добавленій и опоръ ея, добро безъ внѣшняго успѣха, доступнаго внѣшнимъ чувствамъ, презираются въ мірѣ. Міръ не принимаетъ и не понимаетъ страдающаго добра; страданіе онъ отождествляетъ не только съ несчастіемъ, но и съ порокомъ. Добру долженъ принадлежать успѣхъ въ мірѣ, счастье, какъ его награда; поэтому тѣ, которые преждевременно уже и здѣсь, на землѣ, ждуть торжества добру надъ зломъ, ищутъ добро тамъ, гдѣ его совсѣмъ нѣтъ. Добро и здѣсь сильнѣе зла (иначе міръ не могъ бы стоять), но сила его и его торжество не проявляются видимо внѣшнимъ чувствамъ. Вотъ почему здѣсь большею частію только то принимается за добро, что имѣетъ всѣ внѣшніе знаки его,—что ликуетъ, торжествуетъ, что въ уваженіи и передъ чѣмъ все преклоняется.

И въ этотъ міръ, такъ враждебный правдѣ и добру, явился Христосъ, Царь нашъ, и Его явленіе и вся Его жизнь на землѣ нашей были шествіемъ на Голгоу. Міръ не того Царя—Искупителя ждалъ, какимъ Христосъ явился ему: Христосъ возымѣлъ неизреченное намѣреніе дать полную побѣду добру торжествомъ надъ зломъ въ Лицѣ Своемъ. Онъ восхотѣлъ спасти насъ Крестомъ, а не силою.

И всѣ соблазнились о Немъ.

Соблазнились происхожденіемъ Его изъ Назарета (Іоан. I, 46), Его бѣдностью (Лук. IX, 58), незнатностью рода; тѣмъ, что Онъ нигдѣ не учился (Марк. VI 1—3), что знался съ бѣдными, простыми и загнанными людьми, что не окружалъ себя гордымъ неприступнымъ величіемъ (Лук. VII, 39; XVIII, 15) и многимъ, многимъ другимъ... Люди хотѣли отъ Царя своего хлѣба (Іоан. VI, 26), но онъ не далъ имъ хлѣба, ибо Онъ Самъ явился міру истиннымъ хлѣбомъ животнымъ, спешшимъ съ небесе (Іоан. VI, 35); они ожидали отъ Него власти, богатства, славы (Лук. XVIII, 28—30; IX, 45—47) и потому хотѣли, чтобы Онъ объявилъ Себя земнымъ царемъ, а Христось скрывался отъ міра, избѣгалъ даже чудесъ, когда они разжигали грубо-мессіанскія чаянія. Іудеи требовали отъ Христа знаменій, но Онъ не далъ знаменія имъ, кромѣ знаменія пророка Іоны; они обѣщали увѣровать во Христа, если онъ сойдетъ со креста, но Онъ внѣшнему могуществу предпочелъ немощь, сильнѣйшую его, и остался на крестѣ... (Мтѣ. XXVII, 42; Лук. XXIII, 37). Елліны желали найти во Христѣ мудрость, какъ они понимали ее, но Онъ не далъ имъ этой мнимой мудрости, явившись міру Самъ истинною Мудростью... Люди не понимали, зачѣмъ Христось не прибѣгнетъ къ силѣ, что бы взять надъ ними верхъ, а Онъ вышелъ прямо на встрѣчу врагамъ Своимъ, пришедшимъ взять и убить Его, со словами: „это Я, Кого вы ищете убить“ (Іоан. XVIII, 4—8)! *Бывшіе съ Нимъ ученики въ саду Геѳсиманскомъ, видя, къ чему идетъ дѣло, предложили Ему ударить на враговъ мечемъ, и одинъ изъ нихъ ударилъ раба первосвященника и отсекъ ему правое ухо; но Исусъ отклонилъ такую помощь (Лук. XXII, 49—51; Іоан. XVIII, 10—11; Мтѣ. XVI, 51—54; Мрк. XIV, 47). Онъ могъ располагать болѣе нежели двѣнадцатью легионами ангеловъ отъ Отца Своего (Мтѣ. XXVI, 53): Онъ зналъ лучшій путь для торжества истины и добра надъ ложью и зломъ, чѣмъ мечъ и палка, чѣмъ путь насилія...*

И Христось, оплеванннй, оклеветанный, поруганный, избитый, подъ тяжестью креста, идетъ на Голгоѳу, даетъ Себя повѣсить на крестѣ со словами любви и прощенія!

Такъ истинная сила Божія и Божія премудрость явилась

міру не въ насиліи и не во внѣшнихъ призракахъ силы, а въ правдѣ, въ любви, Крестѣ Христовомъ.

Изъ сказаннаго можно видѣть безусловную необходимость крестнаго пути для осуществленія царства Божія. Такой путь устанавливается духовнымъ, нравственнымъ характеромъ царства Божія, въ которомъ любовь и истина составляютъ конечную цѣль. Царство Божіе есть царство истины и любви, свободнаго и разумнаго служенія Богу въ истинѣ и любви (Іо. XV, 15). Въ царствѣ истины и любви нѣтъ мѣста насилію или принужденію, его стихія—свобода. Истина не можетъ быть навязана силою: истина — дѣло убѣжденія ума и приобрѣтается свободнымъ изслѣдованіемъ его; любовь—дѣло свободнаго влеченія сердца и является плодомъ нравственной самодѣятельности человѣка, дѣломъ его свободнаго духовнаго подвига. Отсюда одинъ только путь ведетъ къ дѣйствительному торжеству истины и добра: свидѣтельство истины и добра словомъ или ученіемъ, и свидѣтельство истины и добра жизнью или примѣромъ: тьма разгоняется свѣтомъ, заблужденіе—истиною, зло—добромъ (Мч. V, 16; 1 Пт. II, 9—15). Иного пути для дѣйствительнаго торжества добра нѣтъ и быть не можетъ. Насиліемъ или принужденіемъ достигается лишь мнимое обладаніе истиною и добромъ, когда подъ ними разумѣется не то, что слѣдуетъ разумѣть. Если, напр., въ религіи вся вѣра сводится къ извѣстной суммѣ теоретическихъ положеній или догматовъ и спасеніе полагается въ исповѣданіи извѣстнаго списка истинъ холодными устами и холоднымъ сердцемъ, то тутъ является возможность силою навязать человѣку истину безъ согласія его ума и сердца. Но очевидно, что христіанская религія, принесенная на землю І. Христомъ, не принадлежитъ къ разряду религій, допускающихъ принудительный способъ распространенія: христіанская религія не можетъ быть разрѣшена безъ остатка въ сумму догматическихъ вѣрованій, или обрядовъ, ибо главное въ ней—живая вѣра во Христа—Искупителя, всецѣлая преданность Ему умомъ и сердцемъ. Но можетъ-ли это быть достигнуто внѣшними мѣрами? Пребываніе въ истинѣ или дѣйствительное обладаніе истиною и добромъ невозможны безъ свободной самодѣятельности человѣка: добро и истина, навязанныя силою, по тому самому перестаютъ быть истиною и добромъ и стано-

вяется поддѣлкою и призракомъ истины и добра. Пребываніе въ истинѣ вынужденное есть психологическая и религіозная несообразность, съ христіанской точки зрѣнія. Соблазняющіеся легкимъ и скорымъ путемъ побѣды добра надъ зломъ оправдываютъ любовью къ ближнему вынужденное или принудительное пребываніе въ истинѣ. Они забываютъ однако въ своей чрезмѣрной ревности, что такое вынужденное принятіе истины и добра несетъ съ собою не спасеніе и не благо, а зло и погибель. Принудительнымъ распространеніемъ и охраненіемъ истины роняется достоинство истины, ибо она признается здѣсь бессильною надъ людьми безъ внѣшней опоры; принужденіемъ въ истинѣ роняется достоинство человѣка, существа разумно свободнаго, созданнаго по образу Божію и призваннаго къ разумному и свободному познанію истины и служенію Богу; принудительнымъ пребываніемъ въ истинѣ порождаются противныя ей ложь, лицемеріе и неискренность, т. е. такое зло, хуже котораго быть не можетъ для послѣдователей Христа. Другими словами, истины и добра въ состояніи принужденія не бываетъ и быть не можетъ. Вынужденное добро не есть добро, а призракъ добра.

Господь нашъ безусловно осудилъ и Своимъ ученіемъ, и Своею жизнью, и примѣромъ своимъ путь внѣшняго принужденія или насилія для обезпеченія истины и добра въ мірѣ,—и всѣ другіе пути, избравъ и намъ завѣщавъ одинъ только путь: свидѣтельство истины и добра словомъ и жизнью, гдѣ предоставляется все внутреннему дѣйствію въ мірѣ силы истины и добра, ибо истина и добро для знающихъ ихъ по собственному опыту обладаютъ такимъ могуществомъ, въ кажущемся ихъ безсиліи, передъ которымъ зло ничтожно. Слѣдуя завѣту Христа и апостоловъ Его, и „каволическая Церковь не усвоила себѣ иного способа распространенія христіанства, кромѣ проповѣди, и иныхъ условій принятія въ церковь, кромѣ свободы убѣжденія“, по свидѣтельству исторіи ¹⁾).

¹⁾ Проф. В. О. Катарисова. О свободѣ совѣсти. Опытъ изслѣдованія вопроса въ области исторіи церкви и государства съ I по IX в. Москва 1883, вып. 1-й, стр. VIII. Съ удовольствіемъ отмѣчаю приведенными словами основной тезисъ этого прекраснаго ученаго изслѣдованія въ русской богословской литературѣ, въ свое время нашедшаго себѣ компетент-

И такъ, нынѣ въ созиданіи царства Божія намъ запрещенъ легкій и скорый, но непрочный путь насилія и ученіемъ Христа, и ученіемъ Церкви.

ное одобреніе. Въ настоящее время въ дебатахъ свѣтской и духовной печати о свободѣ совѣсти по поводу извѣстнаго доклада г. Стаховича въ Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ 1901 г. это, чрезвычайно богатое справками по предмету, сочиненіе совѣмъ не упоминается, къ сожалѣнію. *Вопросъ о свободѣ совѣсти прежде всего есть вопросъ религіи*, а потомъ уже—права, и *принципіальное* рѣшеніе онъ можетъ получить лишь въ сферѣ чистаго богословія, вѣдающагося съ одною чистою христіанскою истиною внѣ ея согласованія съ практическими требованіями жизни. Съ этой точки зрѣнія громадное значеніе должно имѣть для вѣрующихъ христіанъ заинтересованныхъ въ познаніи истины самой по себѣ, рѣшеніе вопроса о свободѣ совѣсти въ русской богословской (догматической) наукѣ. Къ счастью, въ лицѣ общепризнанныхъ авторитетовъ и. можно сказать, столповъ русской богословской науки жгучій вопросъ о свободѣ совѣсти, *на чисто богословской, религіозной почвѣ*, рѣшается, совершенно иначе, чѣмъ въ современной литературѣ, для которой свобода совѣсти и „свобода отъ совѣсти“ часто одно и тоже. Вотъ что пишетъ Казанскій *архіепископъ Антоній*, авторъ извѣстной догматической системы, долго бывшей семинарскимъ учебникомъ... „Всѣ притязанія мірскія, всякія насильственныя мѣры къ распространенію Церкви и сохраненію внутренняго и вѣшняго ея благосостоянія, умѣстныя въ гражданскихъ обществахъ, несообразны съ духомъ Церкви; напротивъ все у ней, сообразно съ ея цѣлю, должно быть духовное (2 Кор. 10, 3—5)“—*Догмат. Богословіе Прав. Кав. Вост. Церкви*. Спб. 1862, стр. 199 (изъ § 256: „Церковь есть общество духовное“). А вотъ сужденія по вопросу о свободѣ совѣсти черниговскаго *архіепископа Филарета*, автора другой ученой догматической системы. Отмѣтивъ духовный характеръ царства Божія словами Самого Иисуса Христа изъ еванг. Іоан. XVIII, 36, далѣе архипастырь-богословъ продолжаетъ: „Соединяя эти слова Спасителя съ тѣмъ ученіемъ Его, что Церковь Христова должна выполнять на землѣ дѣло Христова (Іоан. 29, 21; 4, 34), получаемъ то убѣжденіе, что церковь Христова, по ученію Спасителя, не должна облекать себя правами и духомъ, принадлежащими мірской власти, и что она должна жить для истины, оставленной для нея Господомъ. Предметъ ея дѣятельности, дѣло собственно принадлежащее ей—водвореніе небесной истины въ сердцахъ людей. Это ея дѣло, а не дѣло мірской власти“. (*Правосл. Догматич. Богословіе*. Черниговъ 1864 Т. II, стр. 365). Свои разсужденія богословъ заключаетъ правильнымъ рѣшеніемъ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства (стр. 366—367). Въ богословіи вопросъ о свободѣ совѣсти рѣшается съ Евангеліемъ въ рукахъ и рѣшеніе его въ исторіи и каноническомъ правѣ имѣетъ вспомогательное только значеніе для богословія. Въ этомъ отношеніи полезныя справки по вопросу кромѣ книги проф. Кипарисова можно найти въ лекціяхъ покойнаго профессора Моск. Университета *А. С. Павлова* „Отношеніе церкви къ вепринал-

Мы уже разсматривали значеніе въ вопросѣ о способѣ устроенія царства Божія коренныхъ христіанскихъ фактовъ—явленія Сына Божія во плоти и крестнаго уничтоженія Его насъ ради и нашего ради спасенія и нашли, что ими устанавливается именно указанный путь созиданія царства Божія и осуждается іудейскій путь насилія, соблазнительный для многихъ понынь. Вотъ еще нѣсколько фактовъ со страницъ Евангелія.

Поучительна здѣсь исторія искушенія Господа, помѣщенная уже на первыхъ страницахъ Евангелія. Въ тиши и уединеніи пустыни Иисусъ Христосъ готовился къ великому Своему дѣлу устроенію царства Божія, которое совершитъ Онъ посланъ былъ Отцемъ. Здѣсь былъ окончательно избранъ путь, какимъ Христосъ рѣшилъ идти неуклонно всю Свою жизнь къ великой, намѣченной Имъ, цѣли. Возможны были два пути въ дѣлѣ Христовомъ. Одинъ путь преднамѣченъ или указанъ былъ ранѣе іудейскими представленіями о Мессіи и Его царствѣ,—путь внѣшней силы и могущества, возможный и, повидимому, законный для Иисуса при Его исключительномъ положеніи въ человѣчествѣ, и при томъ—самый легкій и естественный (люди легко подчиняются внѣшней силѣ,—вспомнимъ о магометанствѣ)... Но Иисусъ Христосъ избралъ иной путь, путь креста, любви и правды безъ помощи силы, путь медленный, тяжелый, противорѣчащій Его Богочеловѣческой природѣ, хотя единственно вѣрный и прочный. Предложенія діавола покорить людей хлѣбомъ и силою, земными благами и вообще насиліемъ—были разъ навсегда отвергнуты Спасителемъ, какъ несогласныя съ духомъ Его царства (Мѡ. IV, 10; Лк. IV, 8; Мѡ. XVI, 23; Мр. VIII, 33). Такъ побѣдилъ Спаситель искушенія легкаго торжества надъ зломъ, лежавшія въ Его Богочеловѣческой природѣ. Много было случаевъ въ жизни Спасителя, когда помощь силы казалась-бы законной, но употребленіе ея было-бы измѣною крестному пути, избранному Имъ. Когда въ саду Геѡсиманскомъ „возложили руки

лежащимъ ей христіанскимъ обществамъ“ (напеч. въ *Богословск. Вѣстникѣ* 1902, № 4) и диссерт. проф. *М. Красножена*: „Иновѣрцы на Руси. Томъ I: Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи“. Биревъ 1900.

на Ісуса и взяли Его“ и ученики предложили „ударить на враговъ мечемъ“, при чемъ одинъ изъ нихъ отсѣкъ ухо раба архіерейскаго, Господь отвергъ услуги меча, сказавъ, что если-бы Онъ захотѣлъ, Отецъ Его представилъ-бы Ему „болѣе, нежели двѣнадцать легіоновъ ангеловъ“ (Мѡ. XXVI, 50—54; Мр. XIV, 47; Лк. XXII, 49—51; Іо. XVIII, 10—11).

Ни мечемъ, ни Божественнымъ могуществомъ не пользовался Христось для торжества Своего дѣла.

Ісусъ Христось неохотно прибѣгалъ къ чудесамъ въ доказательство Божественности, т. е. истинности Своего ученія. Если-бы Онъ захотѣлъ скорого торжества надъ умами людей, то легко достигнулъ бы этого совершеніемъ чудесъ по требованію властей и народа. Онъ могъ бы, конечно, сойти со креста и люди увѣровали бы въ Него и приняли бы ученіе Его, но не по любви къ ученію и не вслѣдствіе пониманія Его, а по необходимости. Конечно, І. Христось и чудеса считалъ до нѣкоторой степени необходимыми, какъ наглядное доказательство Его Божественнаго посланничества (Іо. XV, 24); но Онъ считалъ ихъ несущественнымъ средствомъ доказательствъ этого рода. Онъ хотѣлъ, что бы Его Божественное достоинство непосредственно открывалось уму и сердцу безъ внѣшнихъ пособій къ этому (Іо. XIV, 12). Онъ всегда огорчался, когда люди не могли вѣровать въ Него безъ чудесъ. Вообще чудеса не были безусловно необходимы для вѣры людей во Христа: ихъ значеніе зависѣло отъ нравственнаго состоянія лицъ, бывшихъ свидѣтелями ихъ, и нерѣдко чудеса производили на людей впечатлѣніе, противоположное желаемому, почему не всегда и не вездѣ Господь могъ совершить чудо (Мр. VI, 5; Іо. VI, 14—15). Кто не могъ или не хотѣлъ вѣровать, надъ тѣмъ безсильны были и чудеса: эти люди объясняли ихъ по своему, или же оставляли безъ всякихъ объясненій для собственнаго спокойствія (Мр. III, 22; 30 Лк. XI, 15; Іо. II, 23—25).

Точно также и въ способъ ученія І. Христа мы открываемъ отсутствіе всего того, что сколько нибудь отзывалось бы принужденіемъ, какое свойственно вообще человѣческому ученію. Люди прокладываютъ дорогу своему ученію большею частію не столько дѣйствіемъ одной силы истинъ или идей, ими проповѣдуемыхъ, сколько формою ихъ проповѣди, рассчитанною на большее или меньшее подавленіе личности,

гипнотизируемой блескомъ рѣчи, красотою формъ, подавляющею ученостію и т. п. Примѣсь чего-либо подобнаго совершенно чужда ученію Христа, какъ нельзя лучше и по самой формѣ своей приспособленному къ цѣли своей — привлекать умы и сердца людей силою и красотою одной только истины ¹⁾).

Чтобы не разсматривать многого, остановимся ненадолго на одномъ событіи евангельскомъ, кратко и наглядно показывающемъ духъ Христова царствованія!

На пути въ Іерусалимъ однажды Иисусъ Христосъ былъ не принятъ въ селеніи Самарянскомъ. „Видя то, ученики Его, Іаковъ и Іоаннъ, сказали: Господи, хочешь ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Іилія сдѣлалъ? Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ и сказалъ: *не знаете, какого вы духа*. Ибо Сынъ человѣческій пришелъ не погублять, а спасти души человѣческія“ (Лк. IX, 51—55).

Не вѣсте, коего духа есте вы!.. Какъ живо и жизненно остается это укоризненное слово Спасителя, нѣкогда обращенное къ ученикамъ, и для дальнѣйшаго времени на протяженіи многихъ вѣковъ вплоть до нашихъ дней! Къ цѣлымъ народамъ и церквямъ, къ длинному ряду вѣковъ, озаренныхъ заревомъ костровъ инквизиціи и залитыхъ кровью религіозныхъ войнъ, обращается эта евангельская укоризна: *не вѣсте, коего духа есте!*.. Духъ, осуждаемый въ царствѣ Христовомъ Евангеліемъ, давалъ и даетъ себя знать всюду, гдѣ переживается настроеніе Іакова и Іоанна. Духъ этотъ порождается нетерпѣливымъ желаніемъ скорой и легкой побѣды христіанской истины надъ ложью, невѣріемъ въ силу истины и добра самихъ по себѣ, въ могущество нашего Царя, невѣдѣніемъ всепокоряющей силы Евангелія, определеннаго побѣдить весь міръ, упадкомъ вѣры и любви христіанской, оскудѣніемъ духовнымъ и нравственною слабостью. Онъ тамъ, гдѣ истинная сила христіанская, сила вѣры, побѣждающей міръ (1 Іо. V, 4), отсутствуетъ. Это неизбежно здѣсь, въ религіи, какъ и вездѣ: безсиліе вездѣ

¹⁾ Отсюда, напр., приточный характеръ ученія Христова, о чемъ подр. см. въ другомъ сочиненіи: *Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ. Опытъ изъясненія догмата искупленія*. Кіевъ 1893, стр. 316—322.

замѣняетъ силу насиліемъ. Гдѣ не могутъ дѣйствовать силу истины и добра по ихъ недостатку, тамъ вынуждены дѣйствовать насиліемъ ¹⁾.

Царство Божіе по неизреченному намѣренію Божественнаго Промысла, волею Христовою, устроится дѣйствіемъ великой силы Евангелія, ему присущей. Одинъ путь избранъ къ этой цѣли: сила истины и добра. Но избрать этотъ путь въ мірѣ значитъ избрать путь скорбей и страданій. Поэтому, другими словами, Господь неизбѣжнымъ призналъ вмѣстѣ съ тѣмъ скорбный, тѣсный и узкій путь къ царствію Его (Мѡ. VII, 13—14; Лк. XIII, 23—24), такъ что „всякій усилиемъ входитъ въ него“ (Лк. XVI, 16 ²⁾).

Избирая крестный путь къ устроенію царства Божія, I. Христось однако не объявляетъ скорби или страданія необходимыми или желательными въ земной стадіи царства Божія, въ противоположность псевдо-аскетическому пониманію христіанства, гдѣ христіанская религія превращается въ какое-то подобіе буддійской религіи, религіи унынія и отчаянія, исключаящихъ радость, съ апоѳеозомъ страданій, какъ желательнаго и нормальнаго состоянія челоуѣка. Будучи религіей креста, т. е. страданій добра для побѣды надъ зломъ, возвѣщенная евангеліемъ религія заключаетъ въ себѣ неизсякаемый источникъ жизнерадостнаго и добраго настроенія духа.

Въ отличіе отъ буддизма христіанская религія даетъ дѣйствительное искупленіе отъ зла и достигаетъ этого безъ всякаго отрицанія міра и личности. Есть-ли въ буддизмѣ что-либо подобное евангельской идеѣ царства Божія, устанавливающей существенное различіе не только въ міросозерцаніи, но и настроеніи христіанъ и буддистовъ? Если такъ, то самое сравненіе христіанства съ буддизмомъ, не говоря уже объ ихъ смѣшеніи, является дѣломъ недоразумѣнія. (И на это обстоятельство до сихъ поръ апологетами недостаточно обращалось вниманія)... Страданія неизбѣжны, но они вѣчны въ царствѣ Божіемъ и относятся къ переходящему его періоду борьбы съ царствомъ зла (Іо. XVI, 20—23, 33). Самыми этими страданіями и борьбой въ дѣйствительномъ

¹⁾ См. *Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ*, стр. 355—358.

²⁾ См. *Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ*, стр. 359—360.

христианинъ не омрачается наполняющая его духовная радость пребыванія во свѣтѣ истины и въ новой жизни, служащей началомъ жизни вѣчной, полного освобожденія отъ зла. Радостное настроеніе есть отличительный и вѣрный признакъ истиннаго пребыванія въ христианствѣ. Здѣсь радость объявляется однимъ изъ плодовъ Духа и существенною чертою настроенія сыновъ царства Божія (Римл. XIV, 17, Іо. XV, 11; XVII, 13; 1 Іо. I, 4; Гал. V, 22). Мы призываемся къ постоянной радости, даже при страданіяхъ (1 Сол. V, 16; Флп. III, 1; IV, 4; Рм. XV, 13; Іак. I, 2; 1 Сол. I, 6 и др.), и дѣйствительные христиане, въ христианствѣ которыхъ не можетъ быть и сомнѣнія, всегда отличались и отличаются именно радостнымъ и бодрымъ настроеніемъ духа (Дѣян. Ап. XIII, 52; 2 Кор. VII, 4; VIII, 2; VI, 10; XIII, 9 и др.). И это неудивительно для тѣхъ, которые должнымъ образомъ проникнулись духомъ Евангелія, ибо Евангеліе есть все и всецѣло свѣтъ и радость, *и нѣтъ въ немъ тьмы нединыя*. Все что порождаетъ скорбь и уныніе, все, препятствующее челоуѣческой радости, устраняется именно Евангеліемъ. Откровеніемъ Бога, какъ Отца, во Христѣ христианство изгнало изъ души челоуѣческой угнетавшій ее рабскій страхъ и ужасъ передъ Богомъ, и наполнило ее сознаніемъ Богосыновства, миромъ и радостью; христианство разсѣяло загробныя потемки и страхъ смерти; христианство сдѣлало насъ свободными познаніемъ истины (Іо. VIII, 31—36) и сильными вѣрою въ могущество добра и его торжество надъ зломъ; христианство облегчило всѣмъ общее время жизни несеніемъ его вмѣстѣ со Христомъ изъ любви къ Нему; христианство сообщило полноту и смыслъ жизни любовью къ ближнимъ и служеніемъ Богу во Христѣ въ царствѣ Его. Но кто перечислитъ всѣ блага христианства? Скажемъ коротко: христианство дало намъ Христа.—Искупителя, а съ нимъ—все: свѣтъ, и истину, и жизнь, и любовь,—все, что нужно для челоуѣческой радости. Въ стремленіи нѣкоторыхъ, именующихъ себя христианами, представить христианскую религію исключительно религіею страданія и скорби, какимъ-то подобіемъ буддизма, нельзя видѣть ничего иного, кромѣ усердія не по разуму, съ которымъ они идутъ навстрѣчу врагамъ христианства, какъ Фр. Ницше и буддофилы съ ихъ излюбленною клеветою на христианство (т. е. смѣшеніемъ его

съ буддизмомъ). Клевета эта безъ остатка разсѣвается однимъ простымъ указаніемъ на то, что христіанство есть евангеліе царства Божія и радостная проповѣдь жизни. А что такое буддизмъ? Это—проповѣдь нирваны и смерти.

Подмѣна религіи радости религіею унынія есть одна изъ многихъ зловредныхъ фальсификацій христіанства. Фальсификація эта и въ настоящемъ случаѣ противовѣсь себѣ находитъ въ центральной евангельской идеѣ царства Божія, не позволяющей намъ видѣть въ христіанствѣ подобіе буддизма.

Мы разсмотрѣли евангельское ученіе о царствѣ Божіемъ въ его противоположности съ понятіемъ іудейскимъ и имѣющими іудейскую закваску понятіями. Полное представленіе о предметѣ однако можетъ быть достигнуто еще опредѣленіемъ съ положительной стороны содержанія понятія о Царствѣ Божіемъ, какъ высшемъ духовномъ благѣ, чѣмъ опредѣлится окончательно его внутренняя природа или существо. Все это составляетъ задачу собственно христіанской этики и здѣсь можетъ быть представлено только въ видѣ схематическомъ.

Царство Божіе по очевидному смыслу молитвы Господней достигается осуществленіемъ воли Божіей на землѣ: второе и третье прошеніе молитвы Господней находятся между собою въ отношеніяхъ слѣдствія или цѣли и причины или средства, ибо несомнѣнно просимое въ третьемъ предшествуетъ просимому во второмъ. Поэтому понимаемое въ широкомъ и общемъ смыслѣ, царство Божіе, составляющее цѣль дѣла Христова, *есть прежде всего осуществленіе Божественной воли въ людяхъ.*

Въ чемъ же воля Божія, осуществленіе которой составляетъ цѣль дѣла Христова? По яскому отвѣту евангелія воля Божія есть жизнь, жизнь истинная, т. е. вѣчная (Іоан. V, 30; VI, 39—40; XII, 49—50). Не только въ евангеліи отъ Іоанна, но и у синоптиковъ слово „жизнь“ служитъ синонимомъ „царства Божія“ (ср. Мр. X, 43, 45, 47).

Царство Божіе есть жизнь, дарованная намъ во Христѣ.

Въ чемъ же жизнь, ясный отвѣтъ на это опять данъ евангеліемъ. Жизнь есть познаніе Бога или любовь къ Богу (Іо. XVII, 3 ср. Мѣ. XXII, 36 — 38; Мр. XII, 28—30; Лк. X, 25—28); а такъ-какъ любовь къ Богу для насъ отнынѣ стала

возможною въ полной мѣрѣ только во Христѣ (Иоан. XIV, 1, 6, 7; XVII, 3; XIV, 8—10; XVI, 27) то жизнь есть любовь къ Богу во Христѣ или ко Христу. Только эту любовь къ Богу живъ человѣкъ (Лк. X, 28), какъ ни суровы кажутся съ перваго раза требованія, которыми обставлена эта любовь въ евангеліи. Требуется безпредѣльная любовь ко Христу съ безграничнымъ самоотреченіемъ, съ готовностью все въ мірѣ включительно до своей жизни принести въ жертву ей (Мѡ. X, 37—40; XIX, 29; Лк. XIV, 26—33), отъ всего отречься и нести крестъ свой въ слѣдъ за Христомъ,— крестъ любви къ Нему или самоотреченія. Для многихъ заповѣдь Христова о крестѣ затемнена ложнымъ ея толкованіемъ, по которому будто-бы евангеліемъ дѣйствительно требуется ненависть къ міру, подавленіе въ себѣ естественныхъ и законныхъ требованій природы, привязанностей человѣческихъ, родственныхъ связей и проч. Это невѣрно. Евангеліе требуетъ отъ насъ только безграничной любви ко Христу и царству Его (т. е. къ Его дѣлу). Оно [требуетъ истинной любви, а всякая дѣйствительная любовь и въ естественныхъ нашихъ отношеніяхъ соединяется съ отреченіемъ. Самоотреченіе— условіе любви, и оно тѣмъ больше, чѣмъ больше любовь. Ничего особеннаго, новаго и противнаго нашей природѣ, не требуетъ отъ насъ Евангеліе заповѣдью о крестѣ сравнительно съ тѣмъ, что наблюдается обычно въ нашихъ житейскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Все значительное и цѣнное здѣсь достигается самоотреченіемъ. Самоотреченіе есть условіе всякаго плодотворнаго и успѣшнаго служенія дѣлу, призванію, или идеѣ: успѣхъ достигается вездѣ наивозможно большимъ сосредоточеніемъ силъ души на одномъ предметѣ безъ расходованія и отвлеченія ея энергии въ сторону. Трудно совмѣстить любовь къ Богу и мамонѣ, ко Христу и къ міру; поэтому истинная любовь ко Христу и Его царству естественно соединяется съ отреченіемъ отъ міра—безъ боли, безъ сожалѣнія (Мѡ. VI, 24; Лк. XVI, 13), ибо для истинной любви ко Христу нѣтъ и не можетъ быть ничего выше и лучше Христа (Флп. 1, 21—23 и др.). Если человѣкъ оставляетъ отца своего и мать свою ради жены своей, сохраняя къ нимъ любовь свою, то возможны въ такой же мѣрѣ случаи, когда онъ оставляетъ ихъ и все прочее изъ высшей любви ко Христу. Это остав-

Что такое любовь?

Любовь—совокупность всѣхъ совершенствъ и вершина совершенства, ибо чрезъ нее въ особенности мы уподобляемся Богу (Мѡ. V, 48; Лк. VI, 36; 1 Ио. IV, 8, 17; Кол. III, 14 и др.).

Любовь—свѣтъ, ибо въ ней—высшая истина жизни и Евангелія (1 Ио. II, 9—11).

Любовь—жизнь и чрезъ нее „мы перешли отъ смерти въ жизнь“ (1 Ио. III, 14—16).

Любовь—совершенство, любовь—свѣтъ, любовь—жизнь.

Созидаемое любовью Царство Божіе есть *summit bonum, высшее благо, служащее цѣлью и предѣломъ всѣхъ нашихъ стремленій, желаній и дѣлъ* (Мѡ. XIII, 44—46).

Царство Божіе есть совокупность всѣхъ благъ, дарованныхъ намъ во Христѣ.

Положительное опредѣленіе способа осуществленія царства Божія составляетъ задачу этики и особенно догматики съ ея ученіемъ объ искупленіи. Здѣсь необходимо отмѣтить два главные момента въ ученіи объ искупленіи, указывающихъ образъ осуществленія царства Божія.

Царство Божіе создается тѣснымъ единеніемъ людей со Христомъ, Который есть не только Основатель, но и Носитель, воплощеніе и полнота всѣхъ благъ царствія Божія. Христось—жизнь наша, Онъ—Лоза, а мы вѣтви Его.

Царство Божіе окончательно насаждается въ насъ со всѣми дарами пришествія Христова силою Духа Христова (Гал. IV, 6; Рм. V, 5).

Изъ всего сказаннаго само собою вытекаетъ опредѣленіе царства Божія по его существу.

Царство Божіе есть единеніе каждаго человека и всѣхъ людей вмѣстѣ съ Богомъ, дарованное намъ во Христѣ, Царѣ и Господѣ нашемъ.

Прот. П. Свѣтловъ.

Кіевъ
17 мая 1902 г.

-положность рационализму съ его фальсификацію въ области евангельской морали,—подмѣною евангельской любви въ ея органической связи съ правдою дряблою сантиментальностью и индифферентнымъ благодушіемъ. Наша любовь соединена съ ненавистью ко злу и немислима безъ борьбы со зломъ; правда—ея „свѣтильникъ и ограда“.